

Михаил Сопин

Агония триумфа

П о э м а

Вологда
2005

Михаил Сопин

АГОНИЯ ТРИУМФА

Поэма

1.

Да, есть страх,
 Есть ответственность:
 Вдруг я о чем-то забуду,
 А потом обленюсь,
 А в душе, в глубине – отрекусь!
 В безымянных степях
 Голубые глаза незабудок
 Тех, с кем хлеб я делил.
 Откажусь – не прощай меня, Русь.
 Здесь я в детстве летал!
 И в нежнейшем ракивовом лепете
 Есть мой радостный голос.
 Так больше теперь не поют.
 Злые силы меня превратили
 В ослепшего лебедя
 И пустили на волю,
 Навек осквернив мой уют.
 Запах желтых ракив...
 Перед вечными, может, метелями...
 Мой загубленный край,
 Все изведав, меня ты поймешь!
 Для кого над землей,
 Окантованной пихтами-елями,
 Знаки тайные пишет,
 Шипя по периметру, дождь.

Провожая в полночь,
Сычи мне вослед чутко охнули.
А потом далеко-далеко,
Будто выплеск крыла,
Прошумело, прошло,
Словно дождь за железными окнами:
То ли сон, то ли явь.
Может быть, это жизнь и была?
Время желтых раки.
Как мы поздно становимся мудрыми,
Так нелепо приветствуя
Мыслей не наших полон.
Лики храмов бревенчатых,
Вслушайтесь в голос заутрени:
Возвратилась душа моя к вам,
На последний поклон.
Отрыдать, отмолиться
За всех и за все.
Вы ведь знаете:
Вечность неба и воля,
И крылья спасали меня.
А глухие сердца
Не сумели расправиться с памятью –
Чем я жил и живу,
Буду жить до последнего дня.
Через тысячи мук,
Через множество лет ожидания,
Через тундровый наст
Сердце чуюло травный укос...
Не казни - не зови меня
В близкое давнее-давнее,
Где так нежно и жутко,
Так легко и так тяжело жилось.

На горячей плите –
Босиком – не давал показания.
Не бежал, обезумев,
С колтуном подоженных волос.
Но года «перелома» -
Не байки, не сны, не сказания -
Отхлебал докрасна
Все, что выпало,
Все, что пришлось.
Тени снов – ребятишки,
Под радугой – солнечнотелье!
Поразительность вечности.
Миру – ни края, ни дна.
Облака над горой
Развернулись хоругвями белыми.
Поезд, в вечер въезжая,
Дал голос у Песочина.
Ах ты, прошлое,
Степь моя – тропка, бегущая ровненько.
Загоришься, закорчишься –
Стали лицом мы к войне.
И кусками, стоп-кадрами
Рвется и крутится хроника,
Черно-белая лента
Моих полыхающих дней.
И осталась за кадром
Изба, где певали по вечеру
Серебром голосов
О замерзшем в степи ямщике.
Я бежал под навес,
И лошадины губы доверчиво,
Согревая теплом,
На моей замирали щеке

Перед тьмой грозовой...
Смолкла песня.
И лязгнули траками.
Взрыв округу потряс:
Рухнул храм.
Пала пыль по росе.
И пошла моя жизнь по околицам
Да буераками,
От казенных вожжей
Резко взяв стороной от шоссе.
Сорвалось, промело...
Сколько лет было лютых и снежных!
И ловил я в снегах
Позывные из детства: «ку-ку»...
И у печки в бараке
Полынная блазнила нежность –
Как в далеком былом
Яровой стебелек на току.
От звонка до звоночка
Оттопал, проползал, проехал –
Сиротой предвоенья,
Разгвазданный болью войны.
Отпусти, отпусти,
Не зови меня.
Черное эхо,
В две казенных навек,
В две навек дорогих стороны.

2.

Я едва согреваюсь
У вьюжного белого полымя,
Правым боком припав
К продувному судьбы пустырю.

И поет мне метелица
Голосом дикого голубя,
И с замерзшей улыбкой –
Не помню уж сколько, стою.
Где вы, други мои,
Беспризорная вольница пашен?
Между детством и старостью
Вбуханы годы – не в счет.
Перед жестким законом
Уж больше руками не машем,
Лишь
Меч времени
Головы белые наши сечет.
Все плотнее метель.
Все теплее ловлю колыбельную...
И хочу, чтоб так длилось.
И ветер прошу:
«Ты подуй».
И зеленой звездой
Снежинка в ладонь мою белую
Опустилась, как с елки,
В туманно-буранном году.
Так вручила мне Родина
Чашу надежд и страданий.
И сказала без слов:
«По делам твоим, сын мой, испей –
За добро, за расправу
Над братьями и над стадами,
За дурман родников,
За хлеба ядовитых степей».
Экипажи России,
Во мне еще кровь не остыла.
Поднимаясь, быть может,

На свой предпоследний бросок,
Салютует вам, братья-славяне,
Поэт, смертник фронта и тыла!
Сердцем к сердцу – я с вами,
К виску прижимая висок...
Перепахано траками жито.
И рваное солнце.
Минометные взрывы
Отсекают подходы к холму.
Нервной цепью, без крика,
Сутулясь, бегут рокоссовцы.
Бьют лениво МГ
По последнему...
По одному.
Вот за вас пил сырец
Я, пацан, на расстрелянном поле.
Все в груди. С этим жить мне
До точки, до смертного дня.
За Победу, солдаты!
Я знаю:
Не выйдет без боли.
За Победу,
Солдаты,
Со мною и после меня.
Так и только – на равных,
Без скотско-лакейской морали:
Самокруточка-«сорок»,
По фляге глоток – пополам.
Нас по поздней морали
Не раз и не два обокрали
Грязью чистых анкет,
Дефицитом любви и тепла.
Подсобить? Погодим.

На расправу – гуртом, как на вече.
 Неизменный наш почерк
 Или путеводная нить?
 Признак нашей любви –
 Неумная жажда увечий:
 Лишь добив до конца,
 Начинаем жалеть и шадить.
 К вам мой голос, потомки,
 Сейчас, в лихорадочном спринте,
 Все по той же системе
 Ведут словоблуды войну.
 Продолжающих жизнь
 Заклинаю:
 Холопство отриньте,
 Чтоб не мыкать сынам
 Тягомотную нашу вину.
 Однолюбы судьбы,
 Огневые солдаты и дети,
 Забинтованный болью и памятью,
 Чтоб не реветь,
 Я прощально машу вам, родные,
 У края столетья,
 Провожая себя
 Со штурмгруппой
 Идущих на смерть.

3.

Все осмыслить хочу,
 Разглядеть сквозь бинты декабрей:
 Как героика масс
 Превращается в общую робость?
 Неужель по команде:
 «Зло кончилось! Будьте добрей!»?

Можно вывеску «Рай»
Нацепить на духовную пропасть?
Вот за то, что не слеп по команде -
Стал тенью от века.
Не заплатят семье.
Путь мой жизненный не уследят.
К покаянью души
Я годами иду в свою Мекку
Одиноко и молча,
Как пропавший без вести солдат.
Слышу голос небес.
Слышу землю - истерзанных всеу,
Колокольные звоны,
Библейскую грусть алтаря.
Слышу вечное:
Да. Побивали камнями безумье,
Топорами, свинцом,
В совершенстве безумье творя.
Так вот нас и мело,
Озверелых от фронта и тыла:
В сорок клятом и в том,
В захлебнувшемся кровью году...
Откровенье - возмездье:
За все, что тогда не добило,
Добивает теперь
У беспамятных масс на виду.
Как тогда в декабре,
Где просил я теплом поделиться:
Не шинель - решето.
Безнадежно. Безумно. Бело.
В доме смех и вино.
Цвет червонный на праздничных лицах.
В двух шагах от тепла

Смертью белой мне в сердце мело.
И рукой по стеклу я ударил -
Не этим ли спасся?
Резкий пьяный фальцет
Бросил свите команду: «Ату!»
Полыхала поземка
По широким по красным лампасам.
Согревалась душа,
Ощущая пинков «теплоту».
Неуютно мне, думы.
Упал бы в декабрь, холодея.
Улыбался... Заискивал...
Я и они - экипаж?!
Разделила сперва,
А потом предала нас идея.
Ну а мы, в свой черед:
То, что выжглось в душе - не предашь.
От снегов, что летят,
Торопясь к нам ко всем на поминки,
От уральских и прочих
Еще не оттаял мой чуб.
Птицы каторжных мест
Плачут выюгами душ из глубинки.
Дай мне, Господи, силы.
За всех отмолиться хочу.
Иван-чаем крутым
Зацвели наши ахи и охи.
И сегодня любого
О военной шпане расспроси,
Без раздумий ответят:
«Больная гримаса эпохи,
Плаха с колом осиновым -
Место для них на Руси».

Ни конвойного мата над нами,
Ни песьего лая.
Не скули, моя боль.
Не впервые от нас отреклись.
Не нацистам лишь только
Бросали детей на закланье -
За оградой державы
Жрал гулаговский нас реализм.
Если все ворошить
Для рассмотров-реабилитаций...
Надо тысячу лет.
Край и общество братских могил!
Сколько нас перебито
На рынках, в подвалах, у станций,
По закону и без,
На вселенском распутье туги.
Убиенным, гонимым
Открывают вам счет
Эти строки.
И не белый на людном безлюдье
Пылает мой стяг:
Не на всех я еще
Разослал в белый свет похоронки,
Отгорел в этой жизни
Еще не за всех я бродяг.
Дорогие мои,
Я беспамятством массы стреножен.
Сколькохлама-бездушья
К родному подперло двору?
Те - с хулой, те - с хвалой,
Непреклонною и непреложной.
Ну вперед, мое сердце!
Не время еще в конуру.

«Непущателей» вой.
Отвоявана самая малость.
Запретителей рев -
Сей багажник копился не год.
Холодит. Холодит.
Ой оглобля б в пути не сломалась!
Крут подъем.
Круче спуск.
И арба с перекосом идет.
Нам разбиться - что плюнуть:
Споткнись, и на скальник, под кручи...
Стань - и вспять понесет.
И - захлест вокруг горла шлея.
Шаг назад -
Произвол.
А по курсу - за тучами тучи.
По зыбучей-по зыбкой
По оползи стежка моя.
Да и только ль моя?
Лишь холопов на той карусели
Не кружит:
Смолкли казни,
Пой, храмная медь.
Скоморошки-стишки,
Чуть от титьки отпав, облысели.
Певунцы-горюнцы,
Без подачки - ни взвить, ни запеть.
Без команд - ни гу-гу.
Благодать! Похвальба гробовая.
Ну да Бог вам судья,
Уж чего уж там, пой - кто о чем.
Нет без волюшки вольной,
Нет песни.

Рабыня - бывает.
 Вот тогда из удушья
 Придет Емельян Пугачев.
 Связь времен - пыль времен.
 Кроны жрут свои древние корни
 И безумьем созрев,
 Ядовитые мечут плоды.
 И цепами, цепами бьют нежных
 Стада непокорных -
 Перекатное поле
 Дубасит оседлых под дых.

4.

За недолю и волю,
 За бред многовечных туманов
 Перепуталось все:
 Москали. Голодрань. Казаки.
 Каждый в землю ложился -
 За землю,
 За жизнь - без обмана,
 За единственную - до захлеба -
 Штыками в штыки.
 Где истоки мои?
 Частью вытравлены, частью помню:
 Мои предки - оттуда,
 Где пелось и плакалось всласть.
 Разливался «максим»,
 Гоготали махновцы, как кони,
 Башлыки с головами
 Разбив о советскую власть.
 Ради вдовьих платков?
 Я по траурным по полушалкам -
 Семь дедов, подсчитал,

Семь дедов моих в землю легло.
Я же плоть их и кровь,
Безысходно, и тяжко, и жалко.
Отпалили друг в друга.
Отпластались - клинки наголо.
Что осталось от вас?
Темный парус над общей недолей.
И сидит здесь душа моей памяти -
Псом, на цепи.
Отгуляло
Слепое
И дикое
Ты, Гуляй-Поле.
Сорок тысяч коней
Разметали свой прах по степи.
Всех разгвадала сила,
Что в гетры и липы обута.
За моря укатили помещики, баре, князья.
Угнетенье, оно ведь всегда
Разрешается бунтом.
Без свободы, без правды горячей
Народу нельзя.
Озверевает душа.
Истребляется в ней все, что чутко.
Знаю сам по себе:
От высокопоставленной лжи
Меж запоев - как в бездну -
В мир глядел отрешенно и жутко.
Смерть от скверны бежала,
Отчаясь прервать кутежи.
Был бездомным. Гонимым.
Не зря в этой жизни люблю я
Вас, предтечи мои,

5.
Сколько лет отшагал я вот так?
Тридцать пять или сорок?
Пролетело четыре десятка.
Годочки, года...
Гулеванила, властью пригретая,
Страшная свора,
А точней - самовластьем,
Цветущим так пышно тогда.
И не стерли вас годы.
Я помню вальяжные лица.
На груди главаря
Польхал разноцветный значок.
Отшибали воришке-мне ребра,
Как мялкой кострицу.
А с портрета
Дзержинский
Глядел в мой кровавый зрачок.
И разбитые губы,
Распухшие черствые шкварки
Обращались к нему,
Но сгорала мольба:
«По-мо-ги...»
И смещались в сознании:
Душегубки... Эсэсовцы... Харьков...
«Бэ-удишь, сэ-волочь,
За-ста-вим чекистам лизать сапоги...»
Самосудами бит,
Геноцидчиками полосован.
Враг - захватчик. Он враг.
Но свои-то, свои - па-ла-чи!
Кто в ответе за все?

Только хлопают крыльями совы.
Только траурный ворон
Над детством распятым кричит.
Над Россией ворон,
Стал спутником русского поля.
То ли он ненасытен,
То ли мы заблудились в «добре»:
То «война» до войны
Панихидно в степи колоколит,
То снаряды, то звоны
Бесчисленных дальнолагерей.
Беспросветная летопись -
Трассы, спецлагги, спецстройки.
Память вечная мертвым -
В виденьях меня не увечь.
Моралисты плетей,
Педсадисты, взгляните за строки:
Мятежи, спецсуды, побегушки, расстрелы, ЧВ. *)
Смрад вензон и тубзон.
Кротьи кочки тряпичных треухов -
Шапки эры рабов,
Форма серых идейных гримас.
Здесь рождалась агония
В теле больного триумфа
Произволом Закона,
«Во благо»,
«От имени» масс.
Маскарадчики, к вам
Эти б маски-гримаски на танцы.
Скольких морок эпохи
Прокаженный ваш ветер промял:
Украинцев, болгар,
Белорусов, поляков, испанцев,

Русаков, азиатов, грузин,
Возвращенцев-армян.

6.

Нет названья тому,
Что годами мы все созидали!
Всем гигантский бы крест
На гигантской воздвигнуть горе,
Всем, что смертно легли
В воркутинско-уральские дали,
Отломив «до звонка»
В джунглях тюрем и концлагерей.
За картошин пяток,
Перепрелой половины мешок,
Для опухших детей
Помело колосков из колхоза...
Где, когда, перед кем
За народную кровь и за слезы
Не на Суд управитель,
А хотя бы с повинной пришел?
Просто вышел бы к смертным
И крикнул:
«Простите мне, люди,
Прегрешенья мои,
Заблужденья мои,
Слепоту!
Нету добрых средь нас.
Было прежде, так есть и так будет -
К власти чистым не выйти.
Нет честной дорожки к посту».
Стало нормой - по избам
Шнырять и сусеки мести.
Стал разбой героизмом.

Бесчестие стало в чести.
Массам - равенство в нищенстве.
Избранным масс - спецпайки.
Правдолюбец - в этап.
Бунтанул - на глаза пятаки.
Пустоглазая свищет косищей
По цвету пород.
Убивали убийцы народа
Бесправный народ.
И плодили ворье - мелкоту.
И судили за мзду,
Чтоб ретивых страшился:
Чуть что - и накинут узду.
И накидывали:
За молчанье, за мысли, проступки.
Поощряя льстеца,
Возносился в зенит лиходей.
Наплодили путан
Политические проститутки,
Ради «светлого завтра»
Туманя сегодня людей,
Чтобы выскоблить память...
Отречься от пашен и вод.
Если взять каждый год,
Сколько кровушкой уж окликало!
И опять призывают:
Дать отпор крикунам-радикалам.
А сейчас радикал -
Каждый, кто «по талонам» живет **).
Слюдяные глаза.
Перекошены злобою лица.
Струпья с сердца не слезли,
И снова туда же - к кнуту!

Хочет есть радикал,
 Просит «левым» пайком поделиться,
 И по сходной цене лохмотину -
 Прикрыть наготу.
 Отыграв-отболванив
 Обостренную схваткою классов -
 В социальном удушье
 Найдется для смердов вина!
 Боже мой, сколько раз
 Молодым человеческим мясом,
 Наспех сляпав Указ,
 Затыкала ты прорву,
 Страна...

7.

«Двадцать пять, пять и десять» -
 Ваш почерк,
 Лже-юре, лже-факто,
 Самосудчики века,
 Опора вождей, ваш прогресс.
 Опочил Сатана. ***)
 Вы остались с железною хваткой.
 Демократией-эхом
 Двадцатый аукнул партсъезд.
 И по ростепели
 Беговые снега захрипели.
 О солдатских этапах
 Не успели пропеть «соловьи»
 Об ушедших «во льды» ****),
 Захлебнувшихся в белой купели...
 И о нас у болот
 Кулики не пропели свои.
 Спой хоть ты, моя память!

А может быть, боль устарела?
Или ты, моя совесть,
Отреклась от помойных тех ям?
Мысль, как узник,
В былое глядит, ожидая расстрела,
До жестокой тоски
Ощувив пустовой бытия.
По апрелю снежит.
На ветле, за окошком, сорока.
И такая вокруг -
Всех ко всем
Безучастная тишь.
Неужель ты вот так, умираешь душа.
Раньше срока,
И не помнишь, что помнишь,
И не видишь - куда ты глядишь.
Значит, зря мы прошли
По окопно-этапной трясине.
Значит, общество наше
Годами не грея, дымит.
Значит, нет больше совести,
Чуткости к звуку:
Рос- сия!.. -
Когда сердце от боли
Сдетонирует, как динамит.
Что, земля моя, с нами?
Неужели мы неизлечимы?
Вжатый, вгвазданный, вмятый,
Я слышал твое:
«Поднимись!»
И старался не плакать
Тогда, когда были причины,
Но дышать не могу -

Прет опять ломовой оптимизм.
Вновь плодят слепоту.
Лишь глаза на мгновенье закрою -
Образ нынешних действий
Все тот же: он бьет, я служу.
Беззащитно. Пустотно. Беспомощно.
Мнится порою,
Будто мы
Пласт к пласту
Отвалились за жизни между.
Мало, что ли, вскормили
Судейской похлебкой из стали?
До кровавой отрыжки -
Мильоны!
Под самый кадык.
Но не слышно:
«Шабаш...
На столетье вперед мы устали...
Распиная себя
Под речуги идейных владык».
Краснопенная, бешеная
Тройка-птица, опомнись, куда ты?!
Героичен твой путь и трагичен,
И свят, и свинцов.
Без помех, сам-на сам,
Демагоги прошли в депутаты.
На литфронте бои -
Импотенты дубасят скопцов.
Племя соцреализма.
Отцы. Просветители черни.
Мысль и честь в портмоне.
Содержимое яд -
Мед уста.

Да. У каждого века
Свой символ для Тайной Вечери:
Свой Пилат, свой Иуда.
Роди только, время, Христа!
Лобызать, распинать -
Прикажи лишь! -
Не все ли равно?
Здесь отдельной душе -
Как под сетью гигантскою птице.
Все до капли положено
В рамках того, что дано:
Можешь петь, подпевать,
Продвигаться по должности, спиться.
В этом темпе. И только.
Так будет еще после нас:
Поживут-пожуют
И исчезнут. Что было, то сплыло.
Человеку - трагично.
Массе - может быть голодно, стыло.
Срам и скорбь за бывшее,
Такое, увы, не для масс!
Нет такого в истории,
Время мое, не листай.
Не буди неприязнь
У всевластной урядницкой клики.
Мы уходим,
Последние певчие северных стай,
Гениальные в серость
Роняя предсмертные крики.

8.

Волны дум. Вихри дум.
Отдели вопль восторга от воя -
Благородные чувства
От визга подкупленных клак.
Тает льдинкою век.
Отторгается все, что живое.
Веру в светлое завтра
Железный втирает кулак.
Значит, нет на земле
И не будет другого расклада:
Тем - горбатить без роздыха,
Этим - стославить тот труд.
Притерпеться к ярму.
Придышаться к тюрьме и распаду.
Те - с престижем рождаются.
Эти - в забвенье умрут.
Всем, в ком совесть жива,
Нам земля - не плацдарм для наживы.
Я не с вами, кто сжег
Наших белых надежд корабли.
Ваши праздники - бред.
Вы больны.
Ваши лозунги лживы,
По которым народ
Вы к блаженству под страхом вели.
Я из дебрей эпохи,
Из джунглей двадцатого века
По окопам и лагам
Горемычную правду свою
Приволок к тебе, молодость,
Веруя в честь человека,
Отдающего жизнь

Для других - в доброту и в бою.
Сам ее отдавал.
Бит за то, что на серость плевал я.
Говорю вам:
Подачек не ждите. Страшитесь тенет.
До остудной могилы
Обрыдла игра нулевая.
Нет ничейного счета
У жизни стремительной.
Нет.
Не добит, не дострелян,
Железом каленым не выжжен,
И на серость плюю - как плевал,
Но бескровно, смеясь.
И той частью, где сердце,
К Отчизне - уж некуда ближе.
Жизнью битые, гнутые -
Все мы страны сыновья.
Нам шаманили в двадцать
И в сорок:
«Надейтесь. Однажды...»
Никакого однажды.
Мы мчимся, подобно лучу!
Поддержи меня, Родина,
Не лишай меня мужества жажды:
Дострадать, досказать,
Догореть без остатка хочу.
И другим я не стану.
Не желаю средь гнуса и лени
Бить локтями в лицо
И в восторге вопить:
«Все равны!»
Вон они рвутся в зал

Для духовного всеоскопления.
Раздувается зал,
Достигая масштабов страны.
Мне б себя отыскать.
Отыскать бы себя мне... Поверьте!
От глупцов-погонял
Я, как рикша, под мыслью влачусь:
Не в чужой похвале
Наша сущность и наше бессмертье
В нас, в живых,
В нас самих,
В естестве наших мыслей и чувств.
Я кричу в летаргию эпохи
И в оцепенелость округи:
Мы - родня на Земле.
И Земля нам на время дана.
На Голгофу идущих
Беру я душой на поруки.
Жизнь - одна.
И Любовь.
Кровь - одна.
И Свобода - одна.
В этом трепетном мире,
По сути своей не жестоком,
Осеню признаньем
Травинки, пичужек, зверье.
Всех живущих прошу,
На все три стороны от востока:
Защитите Любовь!
Иль распните меня за нее.
Океаны молчанья
Мчат безмолвия долгого волны.
Для того и живу,

Сквозь глумления чашу дерусь,
Что без этих вот строчек
История будет неполной -
Как без «Мертвого дома»,
Как без Гоголя странного
Русь...
Пятилеток снега,
Как странички тетрадей в косую,
Мрак листает над тундрой,
Вглядитесь, взгляните вокруг -
Там вон дети войны,
Сиротище страны голосует
За «счастливое детство»
Кульями обрубленных рук.

Конец 80-х - начало 90-х.

*) - членовредитель: самоотравление, самоотрубание рук, ног и т.д.

**) - имеется в виду талонная система жизнеобеспечения, введенная в СССР в конце 80-х годов XX века.

***) - И.В. Сталин

****) - побег

О г л а в л е н и е

Глава 1	3
Глава2	6
Глава3	3
Глава4	14
Глава5	18
Глава6	20
Глава7	22
Глава8	26